

УДК 141.3

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ. 2009. 1/2009

Встреча двух онтологий культуры: Н.Я. Данилевский и О. Шпенглер

© Прорешная Оксана Владимировна*,

ГОУ ВПО «Воронежский государственный университет». Россия, 394006, Воронеж, Университетская пл., 1.

E-mail: office@main.vsu.ru

Статья поступила 5.08.2008 г.

Данная статья посвящена разбору двух фундаментальных онтологий культуры — Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера, где предметом исследования является компаративистский анализ системных воззрений мыслителей, понятый сквозь призму современного видения системности. Основная идея состоит в позиционировании человека как системообразующего онтологического начала культуры.

Ключевые слова: онтология культуры, компаративистский анализ, системность, теория культурно-исторических типов, пра- феномен, философия истории.

This article is devoted to analyze the O. Spangler's and N.Y. Danilevsky's fundamental cultural ontologies. The subject of research consists in comparative analyze thinker's systematical views, understanding in conformity with modern systematical points. The main idea of this work consists in position of human as systematical ontological cultural essence.

В современной постнеклассической рациональности, в эпоху глобального эволюционизма и глобальных проблем, принцип системности, как способ собирания человеческого бытия воедино, создания человеческого «дома», космоса, прошедший горнило философии и обогатившийся в науке, начинает играть одну из первостепенных ролей в культурологии. Более того, сама культурология как самостоятельная дисциплина была, во многом, вызвана к жизни благодаря осознанию человеком проблем планетарного масштаба, необходимости постоянных творческих усилий по воссозданию и продолжению культуры как единственного оплота и важнейшего онтологического основания для будущего нашей Земли, что позволило еще только рожденную, становящуюся науку о культуре переместить с последнего места в ранге философской мысли на первое. Сейчас культурология начинает приобретать статус одной из важнейших дисциплин, дающих понимание подлинной значимости человеческого творчества, а внедрение в нее принципа системности позволяет вывести ее на теоретический фундаментальный уровень знания.

В этом смысле творчество двух мыслителей — Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера и опыт применения системного метода, безусловно, бесценны для культурологической мысли. Именно ими впервые, Н.Я. Данилевским в России, а О. Шпенглером в Европе, был поставлен вопрос о целостности культуры, ее системности, а также неслиянности культурных организмов, их уникальности и самобытности, что, во многом, послужило толчком для оформления культурологии как науки.

Однако, зачастую, имена вышеназванных исследователей феноменов культуры произносятся «через запятую», например, в сравнении с формационным подходом к анализу общества К. Маркса или други-

ми философами, учеными, утверждающими единство исторического процесса (Г. Гегель, П. Сорокин и пр.) Внимание здесь акцентируется, как правило, на расхожем положении, одинаково приписываемом как теории культурно-исторических типов, так и концепции высоких культур О. Шпенглера, суть которого состоит в отрицании органической системности истории, однотипности системных подходов, самопроизвольном (естественном) богатстве культурных миров.

Между тем, на наш взгляд, между концепциями Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера, существуют коренные отличия, имеющие своим основанием различия культур, унаследованные мыслителями в процессе их жизнедеятельности. Если Н.Я. Данилевский был взращен в лоне православной культуры, в центре которой стоит творческий человек как виновник культуры, нуждающийся в целостности культуры и потому утверждающий ее системность, включающую в себя многообразие культурных проявлений и их несводимость друг к другу, то О. Шпенглер был воспитанником секуляризованной европейской культуры, аккуратно следующей за концепцией Ч. Дарвина и Г. Спенсера и оставляющей за человеком возможности чисто природного существа, отрицающей фактически его основное внутреннее измерение — свободное творчество. Поэтому в метафизической традиции тезис о единстве исторического пространства автоматически означает отказ от самобытности отдельных культур, и, наоборот, признание неслиянности культурных организмов влечет за собой лишение истории ее целостности. Первым путем пошел Г. Гегель, вторым — О. Шпенглер [3, 4]. Последний же, понимая всю противоречивость своей позиции, попытался прыгнуть выше головы, выше культурной традиции Европы — создав концепцию, отображающую единый исторический процесс в многообразии его самобытных проявлений с человеком в центре, но, к сожалению, остался в пределах имманентности, лишен-

* Прорешная О. В. — соискатель Воронежского государственного университета.

ной метафизического пафоса, выдохнувшей в голом биологизме [5].

Принадлежность Н.Я. Данилевского к православной культуре позволяет сказать, что в его концепции изначально не могло быть отказа от единства истории, что, в свою очередь, заставляет задуматься о правомерности его противопоставления мыслителям, утверждающим системность исторического процесса. Конечно, в концепции «России и Европы» не делалось акцента на утверждении целостности истории, но она подразумевалась на каждом очередном этапе исследования спецификой органики теории Н.Я. Данилевского. Поэтому имеет смысл и сегодня уточнить, что критика единства исторического процесса проводилась мыслителем только в отношении к его пониманию западноевропейской науки. Н.Я. Данилевский был против «европоцентризма» как единственно правильного принципа понимания культуры, то есть против неправильного применения многообещающего метода системности к анализу конкретной культуры, провозглашающего систему, несущую в себе насилие над самобытными культурными формами в угоду «высшей» культуре [1]. Именно такой глубокий подход к пониманию системных процессов в культуре позволило нам в настоящем исследовании вскрыть его понимание истории как органической системы, вмещающей в себя многоликую, уникальную жизнь различных культур. И здесь нет противоречия, поскольку в центре истории у Н.Я. Данилевского стоит человек как творец культуры. И потому его система не только живет, но и рождает новые формы культуры. И только потому у нее есть критерий, результат — высший культурно-исторический тип.

Культуры, будучи локальными, связанными между собой внешними взаимосвязями «пересадки», «прививки» и «удобрения», оказываются во внутренних взаимосвязях, как в трансцендентном измерении истории, так и в реальном ее воплощении. Такое сложное понимание исторического процесса становится возможным в теории Н.Я. Данилевского, на наш взгляд, благодаря выделению в качестве его системообразующего начала человека. Именно он объединяет в себе оба измерения — трансцендентный и земной. Ведь под трансцендентным срезом истории в теории Н.Я. Данилевского следует понимать пространство, вмещающее в себя не только православного Бога, но и человека, созданного по образу и подобию божьему, стоящего в сотворчестве культуры наравне с Создателем и только потому являющегося сотворцом истории. Человек, согласно мыслителю, обладает данной свыше — Богом (говоря современным языком, культурной метафизической формой) способностью к созиданию вне зависимости от его принадлежности к какому-либо конкретному культурно-историческому типу, что позволяет говорить о творческой, трансцендентной (культурной) способности как начале, обуславливающей собой существование последующих внутренних взаимосвязей между культурами и всей системы исторического процесса.

Именно реализация творческого потенциала формирует земную историю. Здесь человек выступает уже не в сущностной, а в своей деятельностной ипостаси, преследуя единственную цель — создание все более высокого культурного типа. При этом каждый народ творит свой высший культурный тип так, как он его понимает,

то есть множественность культурных миров не противоречит единству системы культуры. Отсюда возникает принципиальное различие культур, непередаваемость и специфика культурных начал, их самобытность. Другими словами, история в концепции Н.Я. Данилевского выступает как диалектическое единство творческого начала человека и его реализации в развитии.

Между тем развитие истории в теории культурно-исторических типов отнюдь не означает войну всех против всех. Взаимодействие между культурами, согласно мыслителю, должно осуществляться как «удобрение» одной культурой другой [1. С. 103]. Они должны сосуществовать в мире и гармонии, между ними должен существовать диалог — вот лозунг Н.Я. Данилевского. Другое дело, когда одна из культур не приемлет равноправного взаимодействия, как это случилось с Европой, и пытается навязать свои ценности другой культуре, в данном случае славянской. Тогда неизбежна борьба, но борьба вынужденная, необходимая в интересах выживания культуры в целом [1. С. 420].

Война в теории Н.Я. Данилевского чужда человеку, несущему в себе творческое начало. Отсюда и гармоничность, согласованность, синергичность существования народов в рамках отдельного культурно-исторического типа. Более того, Н.Я. Данилевский, на наш взгляд, является предвестником социальной синергетики — междисциплинарной области научного знания, занявшей господствующее положение в конце XX в. Здесь мы можем привести следующие аргументы.

Во-первых, локальная культура в концепции русского мыслителя являет собой результат совместной активной деятельности людей (народов) по созданию высшего культурно-исторического типа, что дает возможность интерпретации культуры в терминах синергетики как самоорганизующейся органической системы, то есть системы, возникающей не произвольно, а созданной с определенной целью — выживания особенным, культурным способом.

Во-вторых, культура в теории Н.Я. Данилевского обладает сложной структурой. В качестве компонентов культурного типа выступают прежде всего — язык, обычаи, бытовой уклад, государство, причем последнее представляет собой доминирующий элемент структуры, обладающий собственной подструктурой по отношению к культуре в целом, так как является культурной формой, определяющей целостность системы, поскольку вне системы культурный организм не может существовать, ибо разрушаются все государственные защиты, его подсистемы.

В-третьих, взаимодействие между структурой и системным качеством культуры (идеи) с точки зрения системного подхода является гармоничным — на этапе создания идеи культуры ключевую роль играет ее структура, после создания — сама идея.

В-четвертых, культурный тип в концепции Н.Я. Данилевского является открытой в развитии системой, готовой к взаимодействию с другими культурами.

В-пятых, в теоретических построениях «России и Европы» при переходе локальной культуры на новый уровень существования она находится в неравновесном состоянии или точке бифуркации, открывающей безграничное поле возможностей для ее дальнейшего развития, где существенную роль может играть случай, что находится в полном согласовании с современны-

ми подходами в теории систем, в частности, с теорией синергетики. Здесь наш анализ концепции Н.Я. Данилевского подтверждает ее теоретически опережающий характер, ибо она не только уверенно демонстрирует динамику сложнейших на сегодняшний день самоорганизующихся культурных систем, но и дополняет ее спецификой надприродных организмов.

Задача же человека в данной ситуации состоит в том, чтобы на пределе своих возможностей не допустить случайное уничтожение культуры. Подобно тому, как мать, находящаяся на пике напряжения в моменты болезни ребенка, всеми силами стремится учесть негативные влияния на него и понимает всю катастрофичность малейшей ошибки, влекущей осложнение или смерть любимого чада, так и народ, будучи создателем, родителем культуры, должен быть подобен матери, особенно пекущейся о здоровье дитя — культуры, в моменты ее кризиса, поскольку культура и есть то материнское ложе, в котором только и возможно выживание человека.

В качестве примера сложной неравновесной самоорганизующейся системы в концепции Н.Я. Данилевского выступает Россия, стоящая на распутье дорог, альтернатив своего будущего существования. Именно озабоченность мыслителя будущим российского общества стала основой для создания перспективной модели всемирной истории, не потерявшей своей актуальности в настоящее время.

Провозглашая творческую жизнь органическим методом существования культурных организмов, Н.Я. Данилевский открывает перспективу бесконечного совершенствования человека в нелинейном мире исторического бытия. Всемирная история предстает здесь как сложная самоорганизующаяся система, части которой — культурно-исторические типы сменяют друг друга в альтернативном беге по направлению к идеалу — высшему культурному типу личности.

Возможность понимания народа как творческого начала в теории русского мыслителя заключена, на наш взгляд, в принятии и постановке в центр исторического процесса наряду с человеком высшей трансцендентной силы — Промысла [1. С. 302]. Именно он дает видение культуры как, прежде всего, надбиологической системы и придает смысл круговращению жизни и смерти культурных организмов.

В отличие от европейской философии (Г. Гегель), в которой история представляет собой как бы автоматически самоорганизующуюся систему, в основе которой лежит абстрактное начало — абсолютный разум, жестко детерминирующий все сферы бытия и рассматривающий человека как исполнителя своей воли, в теории Н.Я. Данилевского история есть процесс самоорганизации человека как культурного существа.

* * *

Совершенно иную модель истории рисует О. Шпенглер. Руководствуясь высокой целью собирания культуры в единое целое, понимая значение культуры в будущем цивилизации, создав тем самым фактически новую методологию постижения культурных организмов и, в результате, положив в сокровищницу культурологии бесценный бриллиант, он, к сожалению, остается наследником философии И.В. Гёте, Ф. Ницше, Г. Гегеля, воссоздающим перед нами культуру как метафизическую систему с центром в прафеномене, душе, идее, по-

нятой как онтологическое начало и существующей до своего воплощения вовне. Человек в системе О. Шпенглера остается лишь придатком, порождением прафеномена — одним из ряда феноменов, отличающийся от них только наличием сознания. «Культура выступает здесь как некий над- и сверхиндивидуальный организм, который фактически использует отдельных индивидов для осуществления его принципа — «пра-феномена», лежащего в его основе», — замечает Ю. Давыдов [2. С. 69]. Не будучи действительным субъектом истории, он рассматривается лишь как биологическое существо, закамуфлированное в музыку метафизики — ему отказано во внутреннем измерении свободного творчества, делающего человека человеком. Отсюда вся невозможность культуры О. Шпенглера, поскольку одного биологического сознания мало для создания надприродного мира человека. Отсюда же и проблемы, возникающие в системных построениях О. Шпенглера.

Во-первых, в силу метафизичности культуры в теории немецкого мыслителя возникает вопрос о ее генезисе, о формировании ее структуры. Как отмечал последователь немецкого философа А. Дж. Тойнби, О. Шпенглер оказался удивительным догматиком и детерминистом, описывая возникновение частей культуры [3. С. 271]. Согласно немецкому мыслителю, они уже находятся в свернутом состоянии в прафеномене культуры и автоматически опредмечиваются вовне, следуя предзаданной программе подобно биологическому организму. Образно выражаясь, природа как бы фонтанирует культурой.

Во-вторых, метафизичность культуры снимает вопрос о взаимодействии структуры и системного качества культурного организма, поскольку последнее однозначно детерминирует свои элементы, ни на секунду не попадая под их зависимость. В результате возникновение системы оказывается бессмысленным: неясно, зачем она появляется, если этот праздник разнообразия ничем не отличается от природы.

В-третьих, иррациональность культуры, ее стихийная природа делает невозможным проследить диалектику частей культуры, механизм их взаимодействия. Очевидно, что такая внутренняя метафизика ведет к бесконечному переделу культурных миров.

Именно стихийность, бессознательность культуры, на наш взгляд, является корнем всех зол теории О. Шпенглера. Ведь бессознательность означает неуправляемость, хаос — войну всех против всех. Человек, влекомый инстинктом разрушения, не может создавать культуру. Он может только уничтожить ее, что и происходит в другом произведении немецкого философа «Человек и техника». Здесь нерешенность проблем перспективы культуры ведет ее по пути энтропии [5].

Понимая невозможность воссоздания истории в ее онтологической целостности в рамках гносеологии «Заката Европы», О. Шпенглер делает попытку реконструкции исторического процесса в его онтологической целостности и помещает в ее центр человека. Однако и здесь его центр культуры — человек-хищник — снова предстает в своей неполноте, понятый исключительно как биологический вид, совершенствующийся в технике захвата мирового пространства [5. С. 462]. Речь уже идет не о культуре как «эстетствующем проявлении жизни», ибо культура даже в этом смысле становится невозможной, а о борьбе биологических организмов, людей-хищников за власть.

Вслед за своим предшественником Н.Я. Данилевским О. Шпенглер приходит к необходимости понимания человека как центрального звена истории, однако, не видит в нем действительной онтологической силы. И если в концепции «Заката Европы» субъектом истории является бессознательный прафеномен, необходимость, рок, судьба, то в «Человеке и технике» подлинным бытием обладает лишь случай, что позволяет говорить о немецком философе как провозвестнике некоторых синергетических идей, очерчивающих круг жизни природных систем [5. С. 466].

Таким образом, в отличие от русского мыслителя, О. Шпенглер, будучи наследником европейской философской традиции, оказался ограничен рамками своей культуры в понимании человеческой сущности. Она предстает либо в образе детерминированного «биологического» имманентного сознания, либо как буквально понятие биологическое начало, что обуславливает собой видение всемирного исторического процесса как случайного, неуправляемого стечения обстоятельств. Даже необходимость такой цели, как достижение господства, власти над миром оказывается подчиненной случаю.

Кроме того, указывая на связь мыслей О. Шпенглера с синергетикой, мы должны быть осторожными и в утверждении о воссоздании всемирной истории как системы в собственном смысле этого слова, поскольку, в отличие от Н.Я. Данилевского, он забывает обратиться к вопросам взаимодействия культур, тем самым делая затруднительным выделение структуры всемирной истории, характера взаимосвязи ее частей, возникновения системного качества, проведение, собственно, системного анализа, целью которого должно выступать, как минимум, назначение системы.

Таким образом, перед нами возникают две совершенно разные онтологии культур-исторического процесса, имеющие, однако, перед собой одну цель — собирание, систематизацию культуры в переломные моменты истории как выход из кризиса исторической культуры. В этом состоит непреходящее значение концепции Н.Я. Данилевского и уроки теории О. Шпенглера для современного культурологического знания.

Литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. М.: Эксмо, 2003. С. 640.
2. Давыдов Ю.Н. Бегство от свободы: Философское мифотворчество и литературный авангард / Ю.Н. Давыдов. М.: Художественная литература, 1978. С. 543.
3. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / А.Дж. Тойнби / под ред. д. и. н., проф. В.И. Уколовой, и к. и. н. Д.Э. Харитоновича. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 592.
4. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. Мн.: ООО «Попурри», 1998. Т. 1. Образ и действительность. С. 688.
5. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. Мн.: ООО «Попурри», 1999. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. С. 720.
6. Шпенглер О. Человек и техника / О. Шпенглер // Антология современной зарубежной мысли. М.: Жизнь, 1999. С. 454–493.

Информация

IV Свято-Филаретовские чтения

Исследовательский фонд «Межвузовская ассоциация молодых историков-филологов» сообщает о том, что 9-10 декабря 2008 года в актовом зале храма архистратига Михаила в Тропареве состоялись IV Свято-Филаретовские чтения, посвященные памяти святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского.

В работе чтений приняли участие православные священнослужители и педагоги, студенты, известные ученые и общественные деятели. В числе докладчиков были представители отечественных духовных школ и светских вузов, синодальных отделов Московского патриархата и органов государственной власти России. Тематика чтений охватывала широкий круг вопросов: власть и церковь в истории России; святитель Филарет Московский и его время; вопросы церковной истории; православная культура и ее отражение в языке и литературе; наследие святителя Филарета и современное отечественное образование.

Свято-Филаретовские чтения, посвященные памяти великого московского архипастыря, по сложившейся традиции проводятся ежегодно в начале декабря в актовом зале храма архистратига Михаила в Тропареве по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Организатором чтений выступает Исследовательский фонд МАМИФ при участии синодальных учреждений Русской православной церкви, духовных школ, преподавателей, аспирантов и студентов ведущих вузов Москвы.

Состав оргкомитета IV Свято-Филаретовских чтений:

Протоиерей Георгий Студенов — почетный председатель чтений, кандидат богословия, благочинный храмов Михайловского церковного округа;

Мельков Андрей Сергеевич — председатель оргкомитета чтений, кандидат филологических наук, преподаватель Коломенской духовной семинарии;

Венедиктов Вадим Юрьевич — секретарь чтений, кандидат исторических наук, преподаватель МПГУ;

Белоногова Юлия Игоревна — кандидат исторических наук, заместитель декана исторического факультета ПСТГУ;

Сидельников Олег Сергеевич — студент исторического факультета ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

По итогам прошедших конференции были изданы сборники докладов:

1. Молодежь и церковь: проблемы и идеи (по материалам первых Свято-Филаретовских чтений). М., 2006.

<http://mamif.org/stfilaret/index.htm>

2. Православная культура в России: прошлое и настоящее: по материалам Вторых Свято-Филаретовских чтений / [сост.: А.С. Мельков, В.Ю. Венедиктов]. М., 2007.

http://www.mamif.org/biblioteka/mamif_pravkultura.zip

3. Церковь и общество в России: пути содружества и вызовы эпох // Сб. статей / сост. к.ф.н. А.С. Мельков, В.Ю. Венедиктов. М., Ярославль: Ремдер, 2008.

http://www.mamif.org/biblioteka/Cerk_i_ob.rar

Оргкомитет